

Шарль
ДЕ КОСТЕР

ЛЕГЕНДА
ОБ
УЛЕНШПИГЕЛЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44
Д 28

Перевод с французского А. Горнфельда

Серийное оформление Е. Савченко

© К. Паустовский (наследник), предисловие, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-05468-4

БЕССМЕРТНЫЙ ТИЛЬ

Старинная Фландрия. Родина Тиля Уленшпигеля. Веселая и богатая страна. Страна румяных и шутливых людей, тучных пастбищ, маленьких городов, дремлющих под треньканье надтреснутых колоколов, и других городов — многолюдных, огромных.

Эти города сотни лет копили богатства. Они были обширными кладовыми Европы. «Смотри, — сказал Уленшпигель Ламме, когда они подошли к Антверпену, — вот громадный город, который вселенная сделала средоточием своих сокровищ. Здесь золото, серебро, пряности, золоченая кожа, гобелены, ковры, занавеси, бархат, шерсть и шелк; здесь бобы, горох, зерно, мясо, мука, кожи; здесь вина отовсюду».

Расцвет Фландрии начался еще в Средние века. Неуклюжие корабли всех стран со своими разноцветными парусами отражались в воде фландрских гаваней и веселили человеческий глаз. Из погребов сочился сладковатый запах. В погребах был заперт вместе с товарами воздух тропических островов, далекой и таинственной Явы. Высушенные летучие рыбы висели на стенах около распятий в низких комнатах, освещенных огнем каминов. Люди Фландрии трудились, как пчелы, собирая мед и жатву, строя корабли, прорывая каналы, вспахивая поля, закидывая в реки и морские заливы рыбацьи сети, вертя жужжащие веретена с куделью. Такой мы представляли себе старинную Фландрию.

Но такой она казалась только при поверхностном знакомстве. Углубляясь в историю этой страны, мы узнавали о народных вольностях, о жестоких войнах с Испанией за независимость, о казнях, кострах, осадах, гуле «Борксторма» — набатного колокола, о черных тучах пожара, застилавших зеленые польдеры, — обо всем, что рассказал Шарль Де Костер в своей замечательной книге.

Шарль Де Костер, скромный ученый и литератор девятнадцатого века, светловолосый высокий фламандец, собрал легенды

о народном герое Фландрии — Тиле Уленшпигеле, соединил их разрозненные части и создал эту бессмертную книгу.

Жизнь Шарля Де Костера, этого мягкого и молчаливого человека, была полна лишений, горя и труда.

Костер был служащим Бельгийского государственного архива. Через его руки прошло множество древних рукописей. Нужны были величайший талант и юношеская свежесть воображения, чтобы за полустертыми строчками манускриптов, за громоздкими фразами средневековых документов с их зачастую темным и запутанным содержанием увидеть во всем могучем размахе великое народное движение, возникшее в старой Фландрии, — восстание гёзов (в переводе — «рвани») против испанцев, чтобы воссоздать немеркнущий образ весельчака и мстителя Тили Уленшпигеля и всю резкую по краскам и точную по рисунку героическую эпоху из истории своей страны.

«Тиль Уленшпигель» при жизни Шарля Де Костера не пользовался успехом. Социальное его содержание, гнев, ненависть к сильным мира сего — все это отпугивало от книги Костера современных ему боязливых критиков. В то время в Бельгии уже зарождалось так называемое внесоциальное и расплывчатое литературное течение символистов, во главе которого стал Морис Метерлинк — мистический поэт с туманными глазами и туманными мыслями.

А Костер был резок, груб, неспокоен. Он говорил о прошлом Фландрии, но в голосе его звучало негодование против несправедливостей своего времени. Костер был не ко двору в благопристойной Бельгии конца XIX века. Поэтому и слава пришла к нему после смерти.

Где и когда родился в недрах Фландрии образ бродяги и народного героя Тили Уленшпигеля, сказать трудно. Это древний образ, переходивший из века в век, близкий романским народам. Средневековые устные рассказы — фаблю — сохранили нам воспоминания о якобы беззаботных плутах, носивших в сердце бесстрашие и любовь к своему народу.

У Тили Уленшпигеля много предков, но создатель Уленшпигеля — один. Это народ Фландрии. Шарль де Костер — только представитель этого народа, талантливый, терпеливый и скромный писатель, закрепивший легенду на бумаге.

Как обычно, все герои легенды об Уленшпигеле олицетворяют те или иные свойства народа.

Тиль — это вольнолюбивый, стойкий и лукавый дух Фландрии. Его верная спутница Неле — это любовь. Ламме Гудзак —

это «брюхо», плоть Фландрии, законченное выражение необыкновенной фламандской полнокровности и жизнерадостности.

Этот простак окружен в легенде звоном бутылок, шипением мяса на вертеле, треском разрываемых руками кровавых колбас. Он весь лоснится от благодушия, лени и жира, слизанного с тарелок, откуда с невероятной быстротой исчезают у него в желудке ароматные жареные дрозды. С редкой выразительной силой описывает Костер заезжие дворы и таверны с их грудами хрустящих пирожков, сала, белого хлеба, гентских сосисок, лувенского сыра, жареной рыбы, жирной ветчины, с песнями, драками и болтовней посетителей, в чьи глотки крепкое пиво низвергается точно водопад, несущийся с горной вершины.

Но вокруг харчевен вьются ласточки в синем небе, дуют теплые ветры, качаются цветущие кусты, колосится пшеница и живет другая Фландрия — ласковая, улыбающаяся и нежная, как девушка Неле.

Шарля Де Костера привлекла полная трагических событий и героизма нидерландская революция XVI века, восстание страны против испанцев, народное движение «великой рвани» — гёзов.

Веселый Тиль, бродяга и затейник, беспечно слоняющийся по дорогам Нидерландов с песнями, плутнями и шутками, становится упорным борцом за лучшую участь своего народа, беспощадным мстителем за его поруганную свободу.

Бродяжничество Уленшпигеля приобретает иной характер: «Благословенны скитания ради освобождения родины». Теперь Тиль бродит по стране как разведчик, как неуловимый собиратель народных сил. Всюду, у каждого порога, где живут угнетенные, на его условный крик жаворонка люди, готовые к восстанию, отвечают криком петуха.

Так он проходит по всей стране, и люди поднимаются вслед за ним. Набатные колокола гудят над кровлями деревень и городов, сзывая на борьбу с инквизицией.

Великолепны страницы в книге Шарля Де Костера, посвященные портретам угнетателей Фландрии — зловещих испанских королей Карла Пятого и Филиппа Второго. Не многие книги в мировой литературе проникнуты такой яростной и уничтожающей силой ненависти. Особенно беспощаден Костер в тех местах, где он пишет о жестоком выродке — короле Филиппе Втором:

«В этот день король Филипп объелся пирожным и потому был еще более мрачен, чем обыкновенно. Он играл на своем

живом клавесине — ящике, где были заперты кошки, головы которых торчали из круглых дыр над клавишами. Когда король ударял по клавише, она в свою очередь ударяла иглой по кошке, а животное мяукало и визжало от боли.

Но Филипп не смеялся».

Отрекшийся от престола Карл Пятый учит своего сына Филиппа основам вероломного управления народами. «Надо лизать, — говорит он, — пока не пришло время укусить».

Отец Тиль Уленшпигеля Клаас погибает на костре инквизиции. Тиль зашивает в мешочек пепел его сердца, всю жизнь носит его у себя на груди, и этот пепел Клааса становится символом неутолимой народной мести. Как грозный припев проходят через всю легенду слова Тиль: «Пепел Клааса стучит в мое сердце!»

«Пепел Клааса стучит в мое сердце, — говорит Тиль. — Смерть властвует над Фландрией и во имя папы косит сильнейших мужчин и прекраснейших девушек. Права Фландрии попорчены, ее вольности отобраны, голод грызет ее... Если ей не придут на помощь, она погибнет».

Народный гений в легенде об Уленшпигеле сплавил воедино, как это бывает и в жизни, смех и страдание, шутку и угрозу, любовь и ненависть. Голос народа звучит со страниц книги Шарля Де Костера. Сила простых ее слов, скупого, лишнего всяких украшений рассказа неотразима. Только благодаря могучей силе народного языка, меткого и точного, стало возможно в одной и той же легенде дать мрачные картины сожжений и пыток, как бы написанные запекшейся человеческой кровью, и тут же рядом наполнить целые страницы запахом цветущих лугов, пением птиц, шумом летних дождей, любовью, плясками, бьющей через край жизнерадостностью.

Легенда об Уленшпигеле — выражение сущности народа. Народ бессмертен. Поэтому бессмертен и Уленшпигель. Он может уснуть, но никогда не может умереть.

Легенду об Уленшпигеле можно назвать вещью книгой — в хорошем значении этого слова. Она предвещает победу человеческого разума и справедливости и неизбежную гибель всего, что является на земле носителем тьмы, жестокости, корысти и насилия. Она предвещает дни народных побед, ликований, осмысленного и радостного труда.

К. Паустовский

ЛЕГЕНДА ОБ УЛЕНШПИГЕЛЕ
И ЛАММЕ ГУДЗАКЕ
И ОБ ИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
ОТВАЖНЫХ, ЗАБАВНЫХ
И ДОСТОСЛАВНЫХ
ВО ФЛАНДРИИ
И ИНЫХ СТРАНАХ

Предисловие совы

Господа художники, государи мои господа издатели, господин поэт, я должна сделать вам несколько замечаний касательно вашего первого издания. Как! В этой книжной громадине, в этом слоне, коего вы, в количестве восемнадцати человек, пытались толкнуть на путь славы¹, вы не нашли самого крохотного местечка для птицы Минервы, мудрой совы, совы благоразумной? В Германии и в этой столь любимой вами Фландрии я непрестанно путешествую на плече Уленшпигеля, который так прозван потому, что имя его обозначает *Сова и Зеркало, Мудрость и Комедия*, Uyl en spiegel. Жители Дамме, где, говорят, он родился, по закону стяжения гласных и по привычке произносить «Уу» как «У» произносят «Уленшпигель». Это их дело.

Вы же сочинили другое объяснение: «Ulen (вместо Ulieden) spiegel» — ваше зеркало, ваше, господа крестьяне и дворяне, управляемые и правящие: зеркало глупостей, нелепостей и преступлений целой эпохи. Это было остроумно, но неблагоразумно. Никогда не надо порывать с традицией.

Быть может, вы нашли причудливой мысль воплотить Мудрость в образе птицы мрачной и нелепой — на ваш взгляд, педанта в очках, балаганного лицедея, любителя потемок, беззвучно налетающего и убивающего раньше,

¹ Первое издание книги об Уленшпигеле (1867 г.) иллюстрировали восемнадцать художников.

чем слух уловит его появление: точно сама смерть. И однако, притворно-простодушные насмешники, вы похожи на меня. Разве и среди ваших ночей нет таких, когда рекой лилась кровь под ударами убийства, подкравшегося на войлочных подошвах, чтобы не было слышно его приближения? И разве ваша собственная история не помнит бледных рассветов, тусклым лучом озарявших мостовые, усеянные трупами мужчин, женщин, детей? Чем живет ваша политика с тех пор, как вы царите над миром? Кровопролитиями и избиениями.

Я, сова, скверная птица, убиваю для того, чтобы жить, чтобы кормить моих птенцов, а не для того только, чтобы убивать. Если вы попрекаете меня тем, что мне случилось сожрать птичий выводок, то не могу ли я попрекнуть вас избиением всего, что дышит на этом свете? Вы наполнили целые книги трогательными рассказами о стремительном полете птицы, о ее любовной жизни, о ее красоте, об искусстве вить гнездо, о страхе самки за детенышей — и тут же пишите, под каким соусом надо подавать птицу и в каком месяце она жирнее и вкуснее. Я не пишу книг, помилуй бог, не то я бы написала, что когда вам не удастся съесть птицу, то вы съедаете гнездо, лишь бы зубы не оставались без дела.

Что касается тебя, легкомысленный поэт, то ведь тебе выгоднее было указать на мое участие в твоём творении, из коего по малой мере двадцать глав принадлежат мне, — прочие оставляю в полную твою собственность. Это ещё наименьшее зло — быть неограниченным владыкой всех глупостей, которые печатаешь. Поэт, ты без разбора обличаешь тех, кого называют палачами родины, ты приговождаешь Карла V и Филиппа II к позорному столбу истории, — ты не таков, как сова, ты неблагоразумен. Уверен ли ты, что в этом мире уже нет ни Карлов Пятых, ни Филиппов Вторых? Не боишься ли ты, что внимательная цензура найдет в чреве твоего слона намек на знаменитых современников? Зачем ты тревожишь в могиле мирный сон этого императора и этого короля? Зачем ты лаешь на таких особ? Кто ищет ударов, от ударов погибнет. Есть люди, которые тебя

не простят ни за что, да я тебя не прощаю, ты нарушаешь мое благополучное мещанское пищеварение.

Что это за упорное противопоставление ненавистного короля, с детства жестокого — на то ведь он и человек, — фламандскому народу, который ты хочешь изобразить нам таким героическим, жизнерадостным, честным и трудолюбивым? Кто сказал тебе, что этот народ был хорош, а король плох? Я могла бы самыми разумными доводами доказать тебе противное. Твои главные действующие лица без исключения дураки или сумасшедшие: твой сорванец Уленшпигель берется за оружие, чтобы бороться за свободу совести; его отец Клаас умирает на костре ради утверждения своих религиозных убеждений; его мать Сооткин терзает себя и умирает после пытки, потому что хотела сохранить счастье для своего сына; твой Ламме Гудзак идет в жизни прямым путем, как будто на этом свете достаточно быть добрым и честным; твоя маленькая Неле всю жизнь — что не так плохо — любит одного человека... Где видано нечто подобное? Я пожалела бы тебя, если бы ты не был смешон.

Однако я должна признать, что рядом с этими нелепыми личностями у тебя можно найти несколько фигур, которые мне по душе. Таковы твои испанские солдаты, твои монахи, сжигающие бедный люд, твоя Жиллина, шпионка инквизиции, твой скаредный рыбак, доносчик и оборотень, твой дворянчик, прикидывающийся по ночам дьяволом, чтобы соблазнить какую-нибудь дуру, и особенно этот «умница» Филипп II, который, нуждаясь в деньгах, подстроил разгром святых икон в церквах, чтобы затем покарать за мятеж, коего умелым подстрекателем был он сам. Это еще наименьшее, что можно сделать, когда ты призван быть наследником своих жертв.

Но ты, быть может, и не знаешь, что такое сова. Сейчас объясню.

Сова — это тот, кто исподтишка брызжет клеветой на людей, которые ему почему-либо неудобны, и, когда ему предлагают принять на себя ответственность за свои слова, восклицает: «Я ничего не утверждаю. *Говорят...*» Он отлично знает, что эти «*говорят*» неуловимы.

Сова — это тот, кто втирается в почтенную семью, ведет себя как жених, бросает тень на девушку, берет займы и, не расплатившись с долгами, исчезает, когда больше взять нечего.

Сова — политик, который, надев личину свободомыслия, неподкупности, любви к человечеству, улучив момент, потихоньку возьмет да и придушит человека или нацию.

Сова — это купец, который подделывает вина и съестные припасы, которые вместо питания вызывают несварение, вместо удовольствия — ярость.

Сова — это тот, кто ловко крадет, так что его не схватишь за шиворот, тот, кто защищает ложь против правды, разоряет вдову, грабит сироту и торжествует в сытости, как другие торжествуют в крови.

«Совиха» или «совица» — как хочешь, без игры слов, — это женщина, которая торгует своими прелестями, растлевает лучшие чувства молодых людей, заявляя, что это она их «развивает», и оставляет их без гроша в кармане в том болоте, куда втянула их.

Если она печальна иногда, если вспоминает, что она женщина, что она могла бы быть матерью, я ее не признаю. Если, измученная этим существованием, она бросается в воду — это сумасшедшая, недостойная жить.

Осмотришься вокруг, захолустный поэт, и сочти, если можешь, сов мира сего; подумай, разумно ли нападать, как ты делаешь, на Силу и Коварство, этих царственных сов. Углубись в себя, произнеси свое *mea culpa*¹ и вымоли на коленях прощение.

Твое доверчивое неразумие занимает меня, однако; и потому, невзирая на известные мои привычки, я предупреждаю тебя, что предполагаю незамедлительно обличить резкость и дерзновение твоего слога пред моими литературными родичами, сильными своими перьями, клювами и очками. Люди рассудительные и педантичные, они умеют в самой милой, самой пристойной форме, под всяческими дымками и затушевками, рассказывать молодежи любовные истории,

¹ Мой грех (лат.).

родина которых не только Кифера¹ и которые могут в течение одного часа совершенно незаметно «довести до точки» самую целомудренную Агнессу. О дерзновенный поэт, так любящий Рабле и старых мастеров, эти люди имеют перед тобой то преимущество, что, оттачивая французский язык, они в конце концов сведут его на нет.

Бубулус Буб

¹ *Кифера* — древнее название одного из греческих островов, где был особенно распространен культ богини любви Афродиты.

Книга первая

I

В городе Дамме во Фландрии, в ясное майское утро, когда распустились белые цветы боярышника, родился Уленшпигель, сын Клааса.

Повитуха, кума Катлина, завернула его в теплые пеленки, присмотрелась к его головке и указала на прикрытую пленкой макушку.

— В сорочке родился, под счастливой звездой, — сказала она радостно.

Но вдруг жалобно застонала и показала черную родинку на плече ребенка.

— Ах! — вздохнула она. — Это черная метка чертова когтя.

— Стало быть, — сказал Клаас, — господин Сатана изволил очень рано подняться, если он уже удосужился отметить моего сына.

— Он еще и не ложился, — ответила Катлина, — ведь петух только начинает будить кур.

И, положив ребенка на руки Клааса, она вышла.

Тут заря пробилась сквозь ночные облака, ласточки с криком зареяли над лугами, и солнце в багровом отблеске показало на востоке свой ослепительный лик.

Клаас распахнул окно и сказал Уленшпигелю:

— Сынок мой, в сорочке рожденный! Вот царь-солнце встает с приветом над землей Фландрской. Погляди на него, когда станешь зрячим, и, если когда-нибудь, мучимый сомнениями, ты не будешь знать, что делать, чтобы поступить как должно, спроси у него совета: оно дает свет и тепло; будь сердцем чист, как его лучи, и будь добр, как его тепло.

— Клаас, муженек, что ты поучаешь глухого, — сказала Сооткин. — Иди попей, сынок.

И мать протянула новорожденному свои чудесные, природой созданные чаши.

II

Пока Уленшпигель сосал, прильнув к ней, проснулись все птички в поле.

Клаас, связывая дрова в вязанки, смотрел, как жена кормит Уленшпигеля.

— Жена, — сказал он, — а достаточный у тебя запас этого славного молочка?

— Чаши полны, — ответила она, — но радость моя не полна.

— Не очень-то веселы твои речи в столь торжественный час.

— Я думаю о том, что в той кошелке — видишь, вон там, на стене, — уже давно не было ни грошика.

Клаас взял кошелку в руки, но напрасно тряс он ее: не звякнуло в ней ни грошика. Это смутило его. Но он все же хотел подбодрить жену.

— О чем ты беспокоишься? — сказал он. — Разве нет у нас в хлебном ларе лепешки, что вчера принесла Катлина? Да не лежит ли там добрый кусок говядины, который уж по меньшей мере на три дня даст мальчику доброго молочка? Уж не голод ли пророчит мешок бобов, улегшийся в углу? Ведь не во сне я вижу этот горшок с маслом? И не волшебные же яблочки, точно солдатики в шеренгах, рядышком дюжинами разложены на чердаке? Ну а там что — не добрый ли бочонок пивца из Брюгге, хранящий освежительный напиток в своем толстом брюшке?

— Чтобы окрестить ребенка, — ответила Сооткин, — надо иметь два патара для священника и флорин¹ на крестины.

¹ *Патар* — старинная фландрская медная монета; *флорин* — крупная золотая монета.

Тут вернулась кума Катлина с охапкой травы в руке и сказала:

— Приношу в сорочке рожденному листок дягиля, что хранит человека от распутства, и листок укропа, к которому не смеет приблизиться Сатана...

— А траву, что привораживает флорины, не принесла? — спросил ее Клаас.

— Нет, — ответила она.

— Ну, пойду погляжу, не найду ли ее в канаве.

Он взял удочку и сеть и вышел, уверенный, что в такую рань никого не встретит: целый час оставался еще до l'oosterzon — так называют во Фландрии шестой час утра.

III

Подойдя к Брюггскому каналу, недалеко от моря, Клаас наживил удочку, забросил ее и закинул сеть. На другом берегу канала лежал на холмике из ракушек хорошо одетый мальчик и спал крепким сном.

Шум, произведенный Клаасом, разбудил его, и он вскочил, испугавшись, что это подошел общинный стражник, чтобы поднять его с ложа и отвести как бродягу к старшине.

Но страх его исчез, когда он узнал Клааса, который крикнул ему:

— Хочешь заработать шесть лиаров?¹ Гони рыбу ко мне!

Мальчик — с заметным уже брюшком — вошел в воду и, вооружившись пушистым стеблем тростника, стал гнать рыбу по направлению к Клаасу.

Окончив ловлю, Клаас собрал сеть и удочку, перешел через шлюз к мальчику и спросил его:

— Послушай, тебя окрестили именем Ламме, а прозван ты Гудзак² за свое добродушие; ты живешь на Цаплиной улице, за собором Богоматери? Так как же это вышло, что такой нарядный маленький мальчик спит на улице?

¹ *Лиар* — мелкая монета.

² *Гудзак* — «мешок доброты»; *Ламме* — «ягненок» (флам.).

— Ах, господин угольщик, — ответил мальчик, — дома у меня сестра... и хоть она на год моложе меня, но, чуть повздорим, колотит меня, а я не смею отдать ее спине то, что получил сам: боюсь сделать ей больно, господин угольщик. Вчера за ужином я был очень голоден и немножко повозился пальцами в блюде тушеного мяса с бобами. Она захотела, чтоб я с ней поделился, а там ведь и для меня одного было мало. Как она увидела, что я облизал губы, потому что мне очень понравилась подлива, — она точно взбесилась: набросилась на меня и таких плюхов надавала, что я еле живой удрал из дому.

Клаас полюбопытствовал, что же делали во время этой потасовки отец и мать.

— Отец хлопал меня по одному плечу, мать — по другому, и оба говорили: «Дай ей сдачи, трусиска». Но я не хотел бить девочку и убежал.

Вдруг Ламме побледнел и задрожал всем телом.

Клаас видел, что к ним приближается высокая женщина, а с ней худенькая девочка с недовольным лицом.

— Ой, — захныкал Ламме и ухватился за штаны Клааса, — это моя мать и сестра ищут меня. Спасите меня, господин угольщик.

— погоди, — сказал Клаас, — получи сперва свои семь лиаров за работу, и пойдем без страха к ним навстречу.

Увидев Ламме, мать и сестра набросились на него с побоями: мать — потому, что очень беспокоилась о нем, сестра — потому, что уже так привыкла.

Ламме спрятался за Клааса и кричал:

— Я заработал семь лиаров, я заработал семь лиаров, не бейте меня!

Но мать уже обнимала его, а девочка старалась разжать его кулак и отнять у него деньги. Ламме кричал: «Это мое, не дам!» — и крепко сжимал кулаки.

А Клаас за уши оттащил от него девочку и сказал:

— Если ты еще хоть раз ударишь брата — он ведь добрый и кроткий как ягненок, — то я тебя посажу в черную угольную яму. Но там не я тебя буду дергать за уши, а при-

дет красный черт из ада и разорвет тебя своими когтями и зубами, длинными, как вилы.

От ужаса девочка не могла поднять глаз на Клааса и подойти к Ламме и спряталась в юбки матери. Но, войдя в город, она стала кричать:

— Угольщик побил меня; у него в погребке черт!

Однако с тех пор она уже не била Ламме, но когда она стала старше, то заставляла его работать на себя. И добродушный малый исполнял охотно всякую работу.

Клаас отнес по дороге улов в одну усадьбу, где у него всегда покупали рыбу. И, вернувшись домой, он сказал жене:

— Смотри, что я нашел в брюхе у четырех щук, девяти карпов и в полной корзине углей.

При этом он бросил на стол два флорина и патар.

— Почему ты каждый день не ходишь на рыбную ловлю? — спросила Сооткин.

— А чтобы самому не попасть в сети к общинным стражникам, — ответил Клаас.

IV

В Дамме отца Уленшпигеля, Клааса, называли *Kolldraeger*, то есть угольщик. У него были черные волосы и блестящие глаза; кожа его была под цвет его товара, за исключением праздничных и воскресных дней, когда в его домике было в большом ходу мыло. Был он приземистый, коренастый, крепкий и всегда весело улыбался...

Когда день кончался и спускался вечер, он шел в какой-нибудь трактирчик по дороге в Брюгге, чтобы промывать свою забитую углем глотку добрым пивцом. И по пути все женщины, вышедшие на крыльцо, чтобы подышать свежим воздухом, встречали его дружеским приветом:

— Добрый вечер, светлого пива, угольщик!

— Добрый вечер, бдительного мужа! — отвечал Клаас.

Девушки, возвращаясь толпами с полей, становились перед ним, загораживая ему дорогу, и требовали выкупа:

— Что дашь за пропуск: красную ленту или золотые серьги, бархатные сапожки или флорин в кошелек?

Но Клаас обнимал какую-нибудь из них, целовал ее в щеку или шею, смотря по тому, какой кусок этого свежего тела был ближе к его губам, и говорил:

— Остальное, красотки, получите от своих возлюбленных, только попросите.

И девушки разбежались с хохотом.

Дети узнавали Клааса по его звонкому голосу и топоту сапог. Они бежали к нему навстречу и кричали:

— Добрый вечер, угольщик!

— Благослови вас Господь, ангелочки, — говорил он, — только близко не подходите, а то я сделаю из вас арапов.

Однако малыши, народ отважный, подходили; тогда Клаас хватал смельчака за куртку, проводил своей черной пятерней по его свежей мордочке и так отпускал его, хохоча сам, к великой радости всех ребят.

Сооткин, жена Клааса, была хорошая хозяйка, она вставала с солнцем и хлопотала, как муравей.

Вместе с Клаасом она обрабатывала поле, и оба впрягались в плуг, точно волы. Плуг был тяжелый, но еще тяжелее была борона, когда приходилось деревянными зубьями разрыхлять твердую землю. Но они работали весело и пели при этом какую-нибудь старинную песню.

И как ни была тверда земля, как ни палило солнце самыми жгучими своими лучами и как от великой усталости ни подгибались колени при бороньбе, — если случалось остановиться для передышки, Сооткин поднимала к Клаасу свое кроткое лицо, Клаас целовал это зеркало нежной души — и они забывали о своей великой усталости.

V

Накануне вечером у дверей ратуши выкликали, что государыня, супруга императора Карла V, затяжелела, а посему надлежит возносить молитвы о благополучном ее решении от бремени.

Вдруг к Клаасу, вся дрожа, прибежала Катлина.

— Чем ты так взволнована, кума? — спросил он.

— Ах! — И она стала бессвязно причитать: — Сегодня... привидения косили людей, как косари траву... Девушек заживо в землю зарывали!.. Палач плясал на их трупах... Камень потел кровью девять месяцев — в эту ночь он лопнул...

— Милость Господня с нами, — вздохнула Сооткин. — Это предвещает горе земле Фландрской!

— Что же, ты во сне это видела или наяву? — спросил Клаас.

— Наяву, — ответила Катлина.

И, вся бледная, Катлина, рыдая, продолжала:

— Вот младенцы — их двое: один в Испании — инфант по имени Филипп, другой во Фландрии — сын Клааса, который позже получит прозвище Уленшпигель. Филипп будет палачом, ибо он порождение Карла Пятого, злодея нашей страны. Уленшпигель станет великим мастером на веселые шутки и юношеские проказы и будет отличаться добрым сердцем, ибо отец его, Клаас, славный работник, который честным и бодрым трудом умеет добыть свой хлеб. Император Карл и король Филипп пройдут через жизнь войнами, поборами и всякими преступлениями, сея зло; Клаас будет без устали работать и всю жизнь проживет по праву и закону, не плача над своей тяжелой работой, но всегда смеясь, и останется примером честного фламандского труженика. Уленшпигель будет вечно молод, никогда не умрет и будет странствовать по свету, нигде не оседая. Он будет крестьянином, дворянином, живописцем, ваятелем — всем вместе. И так он пройдет по разным землям, восхваляя все справедливое и прекрасное, смеясь во всю глотку над глупостью. О благородный народ Фландрии! Клаас — это твоё мужество; Сооткин — твоё доблестная мать; Уленшпигель — твой дух; нежное, милое создание — спутница Уленшпигеля, подобно ему, бессмертная, — твоё сердце, а толстопузый простак Ламме Гудзак — твоё брюхо. Наверху — кровопийцы народные, внизу — жертвы; наверху — разбойники шершни, внизу — работающие пчелы; а в небесах будут кровью истекать раны Христовы.

И, сказав все это, добрая колдунья Катлина уснула.

VI

Когда понесли крестить Уленшпигеля, вдруг полил проливной дождь, и ребенок весь промок. Так он был окрещен в первый раз.

Когда он был уже в церкви, церковный сторож — он же *schoolmeester*, то есть школьный учитель, — предложил куму с кумою и отцу с матерью стать вокруг купели.

Но в своде над купелью была дыра, которую проделал каменщик, чтобы закрепить лампаду под звездой из вызолоченного дерева. Увидев сверху крестных, чинно стоящих вокруг прикрытой еще купели, озорник-каменщик вылил на крышку купели ведро воды, которая обрызгала всех, а больше всего Уленшпигеля. Так он был крещен во второй раз.

Пришел священник; все стали жаловаться, он велел им поторопиться и сказал, что это случайность. Уленшпигель все корчился, потому что был мокрый. Священник, окрестив его водою и солью, дал ему имя *Тильберт*, что значит «подвижный» или «прыткий». Так он был крещен в третий раз.

Выйдя из церкви, они пошли по Долгой улице, ведущей к трактиру «Бутылочные четки», где пивная кружка изобрала «Верую». Здесь они выпили семнадцать с лишним пинт *dobbel-kuyt*¹, то есть пива двойной крепости. Ибо во Фландрии это общепринятый способ сушить промокших: зажечь в брюхе пивной костер. Так Уленшпигель был крещен в четвертый раз.

Когда они возвращались домой, покачиваясь, ибо их головы были тяжелее их тел, им пришлось переходить по мосткам через лужу. Кума Катлина, несшая ребенка, оступилась и упала с ним в воду. Так он был крещен в пятый раз.

Его вытащили и дома обмыли теплой водой. Это было его шестым крещением.

¹ Сорт крепкого пива (флам.).

VII

В этот же день его святейшее величество император Карл V решил устроить празднество, чтобы ознаменовать рождение своего сына. Он, подобно Клаасу, решил поудить, да только не в канале, а в копилках и кошельках своих подданных. Ибо оттуда обычно выуживают государи рыбок под названием «червонцы», «дукаты», «талеры», вся эта чудесная рыба имеет свойство, по желанию рыбака, обращаться в бархатные платья, драгоценности, тончайшие вина, изысканные яства. Ибо самые рыбные реки — не самые многоводные.

Обсудив дело со своими советниками, так решил император обставить эту рыбную ловлю.

Между девятью и десятью часами его высочество инфанта понесут к обряду крещения; обыватели Вальядолида¹, чтобы проявить великую свою радость, всю ночь должны будут веселиться, на свой счет пировать и праздновать и на Большой площади швырять свои деньги беднякам.

На пяти перекрестках за счет города пять больших фонтанов вплоть до зари будут бить вином. На других пяти перекрестках на деревянных подмостках будут развешены всякие колбасы, телячьи и бараньи, кровяные и мясные, бычьи языки и иная мясная снесь — тоже за счет города.

Граждане Вальядолида — опять-таки за свои деньги — воздвигнут по пути шествия многочисленные триумфальные арки, на коих в живых эмблемах представлены будут образы Мира, Довольства, Изобилия, Богатства и всяческих прочих даров небесных, коими так осчастливило их правление его священного величества.

Наконец, кроме этих мирных триумфальных ворот, будет сооружено еще несколько других, где, также яркими красками, должны быть изображены несколько менее снисходительные атрибуты власти, каковы орлы, львы, копыя, алебарды, дротики с пламеобразными наконечниками, пуш-

¹ Вальядолид — старинный испанский город, в XVI веке столица Испании.

ки, аркебузы, бомбарды, широкожерлые мортиры и прочие орудия, наглядно живописующие воинскую мощь и непобедимость его величества.

Свечной *гильдии* всемилостивейше разрешено пожертвовать для освещения храма двадцать с лишним тысяч восковых свечей, огарки коих будут переданы соборному капитулу.

Что касается прочих расходов, то император охотно берет их на себя, проявляя таким образом очевидное желание оградить свои народы от обременительных поборов.

Когда община приготовилась уже исполнить сие повеление, пришли из Рима прискорбнейшие вести. Императорские военачальники, принц Оранский, герцог Алансонский и Фрундсберг, вторглись в Святой город, разграбили и разрушили там церкви, часовни и дома, не щадя при этом никого — ни священников, ни монахов, ни женщин и детей. Сам святой отец в заточении. Вот уже неделя, как длится грабеж, *рейтары* и *ландскнехты*¹ неистовствуют в Риме, объедаются и опиваются, шатаются по улицам, размахивая оружием, разыскивая кардиналов, крича, что они отрежут им лишнюю кожу, чтобы навеки лишить их возможности пробраться в папы. Другие, уже исполнившие эту угрозу, слонялись по городу, надев на шею четки из двадцати восьми окровавленных бус, громадных, как орехи. Некоторые улицы превратились в кровавые потоки.

Утверждали, что император, имея нужду в деньгах, хотел поживиться на крови духовенства. Одобрив договор, заключенный его военачальниками со взятым в плен папой, Карл потребовал, чтобы папа передал ему все крепости в своих владениях и уплатил ему четыреста тысяч дукатов. Пока эти условия не будут выполнены, папа останется в заключении.

Однако печаль его величества была безмерна. Император отменил все торжества, празднества, увеселения и повелел всем кавалерам и дамам своего двора одеться в траур.

¹ *Рейтары* — наемная немецкая кавалерия. *Ландскнехты* — наемные немецкие войска (пехота).

И инфант был крещен в белых пеленках — знак императорского траура.

Придворные кавалеры и дамы истолковали это как злое предзнаменование.

Несмотря на это, ее милость госпожа кормилица представила инфанта придворным кавалерам и дамам, дабы они, по исконному обычаю, могли принести новорожденному свои пожелания и подарки.

Госпожа де ла Коена повесила ему на шею предохраняющий от яда черный камень видом и величиной с орех, в золотой скорлупе. Госпожа де Шеффад повязала ему на живот шелковинку и подвесила к ней лесной орешек, что содействует хорошему пищеварению. Господин ван дер Стин из Фландрии преподнес ему гентскую колбасу в пять локтей длины и пол-локтя толщины, всепреданнейше пожелав его высочеству, чтобы один запах этой колбасы возбуждал в нем жажду к гентскому доброму пиву *clauwaert*, ибо, сказал он, кто любит пиво из какого-нибудь города, тот уже не может ненавидеть тамошних пивоваров. Господин конюший Хаиме-Христофор Кастильский просил господина инфанта носить на его прекрасных ножках камешки зеленой яшмы, которые сообщают легкость и быстроту в беге. Ян де Папе, шут, присутствовавший при этом, заметил, однако:

— Сударь, поднесите ему лучше трубу Иисуса Навина¹, при звуке которой бежали бы пред ним все города, чтобы унести куда-нибудь свое добро вместе со всеми обитателями — мужчинами, женщинами и детьми. Ибо его высочеству нет нужды учиться бегать, а надо других обращать в бегство.

Безутешная вдовица Флориса ван Борселе, который был губернатором Веере в Зеландии, поднесла его королевскому высочеству камень, который, по ее словам, делал мужчин влюбленными и женщин безутешными.

Но ребенок ревел, как бычок.

¹ Согласно библейскому сказанию, стены города Иерихона, осажденного израильтянами во главе с военачальником Иисусом Навином, рухнули от звука его трубы.

В это время Клаас сплел сыну из прутьев погремушку с бубенцами и подбрасывал Уленшпигеля на руке, приговаривая в лад: «Бом-бом-дилинь-бом! Будь всегда с бубенцом, будь веселым молодцом. В старину путникам жилось как господам».

И Уленшпигель смеялся.

VIII

Клаас поймал большого лосося, и в воскресенье им пообедали и он, и Сооткин, и Катлина, и маленький Уленшпигель. Но Катлина ела как птичка.

— Кума, — сказал ей Клаас, — неужто воздух Фландрии стал так густ, что достаточно вдохнуть его, чтобы насытиться, словно мяса поел? Хорошо было бы! Дождь сошел бы за добрую похлебку, град — за бобы, а снег — за небесное жаркое, обновляющее силы путников.

Катлина кивнула головой, но не сказала ни слова.

— Посмотрите-ка на бедную куму, — сказал Клаас, — чем это она так огорчена?

Но Катлина отвечала голосом, подобным вздоху:

— Нечистый! Черная ночь пришла. Слышу все ближе, все ближе. Орланом кричит... Дрожу вся, молю Деву Святую... смилостивься... Все напрасно... Нет для него ни стен, ни оград, ни дверей, ни окон. Пробирается всюду, точно дух... Скрипит лестница... Вот взобрался ко мне на чердак, где сплю, схватил руками — твердые, холодные, как камень. Лицо ледяное. Целует — мокрый, точно снег. Земля под ногами так и ходит; пол качается, как челнок в бурю...

— Каждое утро ходи в церковь, — сказал Клаас, — моли Христа Спасителя об избавлении от духа преисподней...

— Он такой красавчик, — сказала она.

IX

Уленшпигель, отнятый от груди, рос, как молодой тополек.

Клаас уже не так часто целовал его, но, любя, делал строгое лицо, чтобы не избаловать мальчика.

Содержание

<i>К. Паустовский. Бессмертный Тиль</i>	5
---	---

ЛЕГЕНДА ОБ УЛЕНШПИГЕЛЕ
И ЛАММЕ ГУДЗАКЕ И ОБ ИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
ОТВАЖНЫХ, ЗАБАВНЫХ И ДОСТОСЛАВНЫХ
ВО ФЛАНДРИИ И ИНЫХ СТРАНАХ

Предисловие совы	11
КНИГА ПЕРВАЯ	16
КНИГА ВТОРАЯ	211
КНИГА ТРЕТЬЯ	266
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ	417
КНИГА ПЯТАЯ	500

Де Костер III.

Д 28 Легенда об Уленшпигеле : роман / Шарль де Костер ; пер. с фр. А. Горнфельда. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 544 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-05468-4

«Пепел Клааса стучит в мое сердце». Эта фраза из романа Шарля Де Костера «Легенда об Уленшпигеле», объединившая в себе неизбывную скорбь и горячую жажду мести, давно стала крылатой. Когда на костре испанской инквизиции в муках погибает угольщик Клаас, отец юного Тиля, из веселого озорника и бродяги Тиль превращается в грозного мстителя, «великого гёза», «духа Фландрии» — и начинается его долгое, страшное, увлекательное странствие, ради отмщения за отца и освобождения родины.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Бел)-44

Литературно-художественное издание

ШАРЛЬ ДЕ КОСТЕР
ЛЕГЕНДА ОБ УЛЕНШПИГЕЛЕ

Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Станислава Кучепатова,
Валерий Камендо, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 04.09.2017.
Формат издания 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 28,73. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AMC-12561-05-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус»
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».
Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, non-fiction, художественные
и развивающие книги
для детей, иллюстрированные энциклопедии
по всем отраслям знаний,
историко-биографические издания.
Узнать подробнее о наших сериях
и новинках вы можете на сайте
Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки
из новых книг, узнать о различных мероприятиях
и акциях, а также заказать наши книги через
интернет-магазины.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

АЗБУКА-АТТИКУС

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01.

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors